

Е.К. Никанорова, Е.К. Ромодановская
Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Литературные источники поддельных документов*

Аннотация: Анализируются «Записки игуменьи Марии», считающиеся поддельными мемуарами княжны Одоевской начала XVI в. Доказывается, что они создавались в 1840-х гг. как исторический роман, стилизованный под старинную рукопись.

The paper analyses «Mother Superior Maria's Notes» regarded as counterfeit memoirs by Princess Odoyevskaya written early in the 16th century. The authors of the paper prove the memoirs to have been written in the 1840-s as a historical novel stylized to conform to an antique manuscript.

Ключевые слова: фальсификация источника, исторический роман, стилизация.

Falsification of a source, historical novel, stylization.

УДК: 821.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3301518. E-mail: romodan@philology.nsc.ru.

В 1849-м году в «Новгородских губернских ведомостях» была опубликована «Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской», сразу вызвавшая большой интерес как рядовых читателей, так и историков. Рассказ о любви юной боярышни конца XV века, полный деталей о ее частной жизни и соединенный со сведениями о погроме Новгорода, несомненно, должен был привлечь на себя внимание. Однако вскоре стало ясно, что все повествование является подделкой, и наиболее четко это показал М.П. Погодин, первоначально приветствовавший новгородскую публикацию. Он отметил, что автор смешивает Ивана III с Иваном Грозным, упоминает печатные книги на 50 лет раньше, чем они были созданы, а их создателя называет не Иваном Федоровым, а Федором, путается в названиях должностей служивых лиц и т.п.; отмечены были и палеографические несообразности [Погодин, 1850, с. 3–61]. А.Н. Пыпин, принявший все замечания М.П. Погодина, прибавил, что и «преднамеренная неправильность книжного языка повести в той же мере не удалась автору» [Пыпин, 1857, с. 281–282]¹. В последующем все исследователи, вплоть до М.Н. Тихомирова [Тихомиров, 1995, с. 53–56], повторяли начатую М.П. Погодиным критику текста. После переиздания «Мемуаров» отдельной брошюрой [Записки игуменьи Марии, 1912] новгородские историки отметили еще и несуразности в истории рода Одоевских².

---

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН и УрО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

¹ Мнение о поддельности записок старицы Марии А.Н. Пыпин повторил и в другой работе: [Пыпин, 1898, с. 32–33].

² Обзор мнений о «Записках» см.: [Козлов, 1996, с. 221–231]; в это исследование вкралась досадная ошибка: правильно указав в сносках дату публикации «Записок» (1849, с. 269), в собственном тексте автор оперирует датой 1847 (с. 221, 231).

Какова была цель создания вымышленных мемуаров, трудно сказать. И ранее, и наряду с ними существовали подделки, сделанные с чисто коммерческими целями – для продажи, для коллекционеров¹. Такие подделки – явление позднее, того времени, когда утвердился всеобщий интерес к «древностям». Но существовали и фальсификации ранних времен. В любом случае перед исследователями таких источников непременно вставал вопрос – «кому это выгодно?», «для чего это делалось?».

В большинстве случаев, особенно в хозяйственных документах, ответ на него находится легко. С нарративными текстами задача является более сложной. Литературные по форме, они несут политические задачи, «прикровенные» для простого читателя. Некоторые вымышленные источники сыграли огромную роль в политической жизни Руси – таково, например, «Сказание о князьях владимирских», обосновывавшее права русских правителей на царский титул через родство с императором Августом [Дмитриева, 1955]. В других случаях ответ на этот вопрос неоднозначен. Так, большой спор вызвала правка Царственной книги в рассказе о болейне Ивана IV в 1553 году; историки разошлись во мнениях, кто был ее автором – сам Грозный, фальсифицировавший летопись с целью обвинения казенных в будущем бояр [Альшиц, 1947; 1960, с. 617–625; Веселовский, 1963а, с. 255–291], или И.М. Висковатый, дополнивший текст описанием реальных событий [Андреев, 1962]. Не сразу стало понятно, что ряд вставок в Хрущевскую Степенную книгу был сделан в интересах рода Колтовских [Веселовский, 1963б, с. 238–254], а добавленная туда тогда же «Речь Ивана Грозного 1550 года» может толковаться как политический памфлет начала царствования Петра I [Автократов, 1955, с. 255–279].

Мемуары старицы Марии явно не имеют никаких политических задач. В.А. Козлов отмечает, что «автор и мотивы подлога до сих пор остаются неизвестными» [Козлов, 1996, с. 228]. Далее он пишет: «...Как справедливо заметил еще Минцлов, видимые мотивы фальсификации не обнаруживаются» [Там же, с. 230]². Видимо, поэтому А.А. Введенский расценил появление «Мемуаров» как «шутку» [Введенский, 1933, с. 102]³. О «шутке» в связи с «Мемуарами» писал и М.П. Погодин в своей рецензии: «Невинные шутки в литературе позволительны. Почему иногда не посмеяться...; но переносить шутки в Историю – нет, История – дело священное» [Погодин, 1850, с. 61].

Если историки, полностью согласившись с подложностью мемуаров, никогда не обращались к ним как к историческому источнику, то сохранился писательский интерес к ним⁴. Наиболее ярко он выражен в письмах В.И. Язвицкого, автора многотомного романа «Иван III – государь всея Руси». Обратившись к М.Н. Тихомирову за консультацией по поводу записок старицы Марии, поскольку считал критику М.П. Погодина, А.Н. Пыпина, А.А. Введенского голо-

---

¹ Так, известнейшие фальсификаторы XIX в., А.И. Бардин и А.И. Сулакадзев, исходили из разных задач. Сулакадзев вносил в принадлежавшие ему рукописи исправления, создававшие текст, соответствовавший его историческим представлениям. Наиболее известная его фальсификация – текст о полете дьяка Крекутного, использованный в советских изданиях по истории авиации (см.: [Покровская, 1958]). Бардин, книготорговец, создавал подделки в интересах любителей-антикваров – в частности, известны несколько «бардинских» списков Слова о полку Игореве. См.: [Сперанский, 1956; Козлов, 1996, с. 100–112, 155–185].

² Это мнение С.Р. Минцлов высказал в новгородском Обществе любителей древностей (см.: [Козлов, 1996, с. 227]).

³ Шуткой он назвал и памфлет против Сукиных, написанный в форме генеалогического сказания [Введенский, 1933, с. 162].

⁴ Старица Мария включена в указатель: [Писательницы России]. («Одоевская Серафима Михайловна (игуменья Мария). Авт. «Записки игуменьи Марии, урод. княжны Одоевской, [относящиеся к началу XVI ст.]»). – Новгород, губ. тип., 1912. РНБ).

словной и необидительной, он не согласился и с ответом Тихомирова: «Я вполне убежден в подлинности “Записок”, и мое исследование находится в Академии наук уже месяца четыре в ожидании своей очереди» [Тихомиров, 1995, с. 55].

Писательский интерес вызван скорее всего близким им характером текста. Это ощущал еще М.П. Погодин – стоит обратить внимание на отмеченную им связь «шутки» с литературой. Представление о «Мемуарах» совершенно меняется, если посмотреть на них как на текст *литературный*.

Анализ сюжета подтверждает выводы историков о невозможности создания «Мемуаров» в XVI столетии. В центре повествования – история несчастной любви княжны Одоевской. Подобная тема в русской литературе возникает не ранее рубеже XVII – XVIII вв. Единственное произведение о любви, созданное в первой половине XVI в. – Повесть о Петре и Февронии, но там нет речи о переживаниях героев, о их сетованиях на судьбу и т.п. – эти черты сентиментализма в средневековых литературах полностью отсутствуют. Для XIX же столетия, и именно для 1840-х годов, когда появляется публикация «Записок старицы Марии», все эти приметы очень характерны.

Разбуженный Н.М. Карамзиным¹ интерес к русской истории был поддержан всеобщим увлечением романами Вальтера Скотта [Альтшуллер, 1996]. В итоге в 1820-х – 1840-х гг. создается масса произведений – поэм, баллад, повестей – повествующих о разных эпизодах отечественного прошлого. В 1829 г. выходит из печати первый русский исторический роман – «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина. За десять лет – до 1839 года – число их возрастает до 93 [Ребеккини, 1998].

Именно в контексте исторического романа следует рассматривать и «Записки старицы Марии». Внимательный анализ показывает, что их создатель, несомненно, ориентировался в их построении на образец Вальтера Скотта, на те основные историко-типологические принципы, которые сформировались в русских художественно-исторических повестях и романах под его влиянием [Альтшуллер, 1996, с. 11–29]. Среди них:

1. *Сюжетное действие определяется любовью* (любовь является основной пружиной, движущей повествование).

Для автора «Мемуаров» «первопричиной “опалы” на “старый” Новгород являлся только навет озлобленного из-за несчастной любви Назария». Никаких более глубоких причин разгрома Новгорода вроде бы и не было. Великий князь всего лишь обеспокоился возможной изменой в одной из своих «отчин» [Козлов, 1996, с. 231].

Ср. в тексте «Мемуаров»: «яко все сие быть мене ради и любви ко мне его Назария велицей» [Записки игуменьи Марии..., 1912, с. 6]²; «во всем том повинен и в толиких смутех, и убойствах, и крове; тако бо окаянный он сотвори» (с. 7); Назарий: «Се яз тебе ради погубих душу мою, не терпя зрети тя вдаваему иному ... тебе бо ради все бысть сие...» (с. 8). Не случайно рукопись «обрывается» после сообщения о принятии пострига и невозможности «отметоватися» мысли о Назарии.

В русской литературе подобное представление о роли любви («страсти») как двигателе истории складывается в драматургии XVIII в. (трагедии Сумарокова),

---

¹ А.С. Пушкин писал: «Появление Истории Государства Российского (как и надлежало быть) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалась, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» [Пушкин, 1949, с. 57].

² Далее сноски в тексте в круглых скобках.

присутствует в «Марфе Посаднице» Карамзина¹ и окончательно закрепляется под воздействием романов Вальтера Скотта, а в последующем и А. Дюма.

2. *Синтез художественного вымысла и исторической достоверности* (опора на исторические сочинения, документы).

В «Записках» художественным вымыслом можно считать сюжетные линии Серафимы, ее семьи (отца, брата, родственницы Анастасии), исторически же достоверными (с отмеченными ошибками) – историю присоединения и разорения Новгорода (падения республики), сообщение об отношениях между Москвой и Псковом, Москвой и Тверью. В тексте использованы имена реально существовавших в то время лиц – тысяцкого Василия Максимовича и Назария подвойского (сыгравшего заметную роль в истории падения Новгорода) [Козлов, 1996, с. 225–228].

Из отечественных авторов первым попытался соединить вымысел и историю Н.М. Карамзин в «Марфе Посаднице». «История государства Российского» Карамзина стала для отечественных авторов одним из основных источников (А.А. Бестужев-Марлинский «Роман и Ольга», В.К. Кюхельбекер «Адо», А.С. Пушкин «Борис Годунов», Ф.В. Булгарин «Димитрий Самозванец», И.И. Лажечников «Басурман»).

3. *Прием контраста в тексте.*

Контраст выражается как в противопоставлении Новгорода и Москвы, сторонников веча и великого князя, так и в противопоставлении Назария и сына тысяцкого Дмитрия: если Назарий – бедный сирота, то Дмитрий – сын богатых родителей; первый красив («видящее бо Назария зело красна»), «был еси добр и чист» (с. 6), второй «зело невзрачен», «показася ми он яко грех тяжел, лицом бо желт и власы главы его рыжи, яко огонь пещный...» (с. 3), «зол обычаем» («поносили его и холопы и не любили его»); Назарий умен и образован: «Бысть же Назарий книжен и всякому любомудрию наущен» (с. 2), «беседовал сладко, яко аз ... дивяшеся его глаголанию», «Мнози жалеяше Назария, яко премудр бе и книжен и на всяку угоду способен, сего ради возлюбиха было его князь великий хотя его в свою думу взятии...» (с. 10) – Дмитрий «недоимок», а брат Серафимы «его поношаше и укоряше, яко безмыслена и неразумна» (с. 4).

Так же противопоставляется отношение к Назарию в Новгороде («Изгна государь батюшка Назария со *бесчестьем* от дому своего мене ради», с. 3; «Назарий ... рече: тако ли ми есть *поношение*, иже не лепо терпети?», с. 4) – и в Москве: «узна аз яко Назарий на Москве *чествуем* и отчину ему дал князь великий» (с. 4); «...премудр бе и книжен и на всяку угоду способен, сего ради *возлюбиха* было его князь великий хотя его в свою думу взятии...» (с. 10). Этот прием в данном случае является несомненным двигателем сюжета.

4. *Монтаж, чередование двух сюжетных линий*: одна из них связана с противостоянием Москвы – Новгорода (исторические события), другая – частная судьба, история жизни княжны Одоевской и Назария. Например, после сообщения о гневе Иоанна на Новгород – рассказ об отъезде Серафимы к сроднице; совет князя и бояр в Москве – вещий сон героини (борьба беса и старца за ее душу); слухи о смуте в Новгороде – встреча Назария и Серафимы и т.д.

Можно отметить еще ряд деталей и мотивов в «Записках», характерных для исторических романов этого времени. Они определяются в основном любовной темой.

Так, *история разлученных любовников с трагическим концом* появляется в литературе сентиментализма прежде всего как *любовь молодых людей, принад-*

---

¹ В «Марфе Посаднице» «тайным побуждением», или «тайным источником» речей и действий Марфы является «любовь супружеская», клятва, данная ею Исааку Борецкому, заменить его в «народных советах».

лежащих к разным социальным / имущественным слоям¹: начиная с «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина, эта тема присутствует у большинства его подражателей; звучит она и в «записках»: Назарию отказано в сватовстве именно из-за его бедности. Но для исторического романа важнее другой вариант такой истории: *любовь во время смуты, войны, связанная с разлукой, заточением, гибелью*. Этот мотив – важнейший для «Записок». Его мы встречаем у известнейших исторических романистов 1830-х годов: в «Юрии Милославском» М.Н. Загоскина (1829), «Последнем Новике» И.И. Лажечникова (1831–1833), «Леониде, или Некоторых чертах из жизни Наполеона» Р.М. Зотова (1832), «Стрельцах» К.П. Масальского (1832), «Вадиме» М.Ю. Лермонтова (1833–1834), «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя (1835), «Капитанской дочке» А.С. Пушкина (1836), «Райне, королевне Болгарской» А.Ф. Вельтмана (1843).

Мотив любви во время войны, соединенный с мотивом отказа в сватовстве, вызывает к жизни тему *предательства, перехода (действительного или мнимого) героя на враждебную сторону, измены* (как месть, как способ воссоединения с любимым / любимой). В «Записках» эта сюжетная ситуация является причиной всех общественных бедствий – «смуты», разгрома Новгорода, гибели людей, но ее также можно отметить и в таких повестях, как «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя (1835), «Капитанская дочка» А.С. Пушкина (1836), «Райна, королевна Болгарская» А.Ф. Вельтмана (1843).

Наконец, *уход в монастырь* как средство разрешения неразрешимой ситуации (в частности, избавления от нежеланного замужества и невозможности быть с любимым) в «Записках»² перекликается с тем же мотивом в «Кочубее» Е.В. Аладьиной (1827) и в «Юрии Милославском» М.Н. Загоскина (1829).

Многие из этих мотивов появились в русской литературе задолго до того, как сложился жанр исторического романа, и были знакомы читателю. Мы находим их в творчестве А.П. Сумарокова, В.И. Майкова, П.А. Плавильщикова, Я.Б. Княжнина и других авторов XVIII в. Но наибольшее влияние на наш памятник оказал, конечно, Н.М. Карамзин.

Пытаясь определить источники «Записок старицы Марии», В.П. Козлов назвал два сочинения: магистерскую диссертацию С.М. Соловьева «Об отношении Новгорода к великим князьям» (1845) и статью Н.М. Карамзина «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803). По его мнению, последняя статья представляет целую программу создания литературной галереи россиянок, знаменитых в истории; именно этой программе и следует создатель «Записок» [Козлов, 1996, с. 230–231]. Однако еще большее влияние на него, по видимому, оказала повесть Н.М. Карамзина «Марфа Посадница», опубликованная в том же году. В ней «издатель», предлагая читателям «старинный манускрипт», неизвестно как попавший в его руки, перечисляет те моменты, которые придают, в его глазах, особую ценность публикуемой им повести: 1) рукопись содержит подробности исторического события, о которых летопись «мало сообщает»; при этом «все главные происшествия согласны с историей»; 2) неизвестный автор манускрипта пытается быть объективным по отношению к участникам исторического конфликта; 3) автора интересуют не только исторические события, но и тайные побуждения героини, мотивы ее действий.

---

¹ Ф.В. Булгарин в предисловии к «Димитрию Самозванцу» (1830) пишет о недопустимости, с точки зрения исторической достоверности, любовной интриги как сюжетообразующей: «я не ввел в роман любви, такой, как изображают ее иностранные романисты, почерпая предметы из истории средних веков. Введением любви в русский роман XVII века разрушается всякая основа правдоподобности!» (Цит. по: [Альтшуллер, 1996 с. 114]).

² «Нельзе бо противу воли родительстей иди, разве восхотете иночествовати» (с. 11).

В равной степени это приложимо и к автору «Мемуаров», который пытается соединить историческую и романическую линии повествования, придать объективность изложению через введение разных точек зрения (слухов, рассказов, мнений разных лиц), сосредоточить внимание на «тайных», сокрытых от других мотивах поведения своих героев. Влияние романтической повести и романа привело к усилению субъективности, и основным двигателем действия стали только чувства и страсти, владеющие Назарием (любовь, обида, жажда мести, раскаяние).

Проведенный анализ приводит к несомненному выводу, что «Записки старицы Марии» представляют не фальсифицированный исторический источник, а исторический роман, стилизованный под старинную рукопись. Однако в своей стилизации автор «переусердствовал»: его стремление создать текст, сходный с подлинным документом, привел к тому, что «Записки» стали восприниматься как действительные мемуары и, соответственно, получили серьезную критику историков. Любители же романов не обратили на них внимания, и прежде всего потому, что им мешал тяжелый язык якобы XVI века: они считали, что писатель вправе отступить от исторического правдоподобия в языке ради «гладкости слога», а стилизованная под старину речь казалась им «тягостной» [Головина, 2002, с. 62].

Литература

- Автократов В.Н. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 255–279.
- Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб, 1996.
- Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23.
- Альшиц Д.Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.
- Андреев Н.Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18.
- Введенский А.А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Вып. 1.
- Веселовский С.Б. Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г. // Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963а. С. 255–291.
- Веселовский С.Б. О генеалогических интерполяциях Хрущевской Степенной книги // Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963б. С. 238–254.
- Головина Т.Н. Исторические романы 1830-х годов в оценках читателей-современников // Забытые и второстепенные писатели XVII – XIX веков как явление европейской культурной жизни. Псков, 2002.
- Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
- Записки игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской / Приложение к Памятной книжке Новгородской губернии на 1913 год. Предисловие С.Р. Минцлова. Новгород, 1912.
- Козлов В.А. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII – XIX веков. М., 1996.
- Писательницы России. (Материалы для биобиблиографии) / Сост. Ю.А. Горбунов. [Электронный ресурс]: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-14.htm>. Дата обращения – 17.04.12.
- Погодин М.П. Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной кн. Одоевской // Москвитянин. 1850. Ч. 1. № 3. Смесь. С. 3–61.
- Покровская В.Ф. Еще об одной рукописи А.И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14.

- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937–1949. Т. 11. 1949.
- Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- Пыпин А.Н. Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898.
- Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х годов XIX века. (Библиографический указатель) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416–433.
- Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 44–101.
- Тихомиров – Письмо М.Н. Тихомирова В.И. Язвицкому (1953 г.) / Подгот. Р.Б. Казаков // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 53–56.